Родная кровь

Автор:
Мария Метлицкая

Родная кровь

Мария Метлицкая

«Последний четверг каждого месяца – Ляля чтила это свято – она ехала на кладбище. Каждый месяц, так было заведено еще при жизни мамы (папа ушел на два года раньше). Пропуск по уважительной причине мог быть только один-единственный – высокая температура, точно больше тридцати семи и пяти, или высокое давление. Сто пятьдесят на сто не принимались…»

Мария Метлицкая

Родная кровь

Последний четверг каждого месяца – Ляля чтила это свято – она ехала на кладбище. Каждый месяц, так было заведено еще при жизни мамы (папа ушел на два года раньше). Пропуск по уважительной причине мог быть только один-единственный – высокая температура, точно больше тридцати семи и пяти, или высокое давление. Сто пятьдесят на сто не принимались.

Зимой, конечно же, было совсем тяжело – неблизкий путь до метро по скользким, как всегда нечищеным, дорогам, потом ставшие с возрастом почти неприступными высокие и крутые ступени автобуса, далее собственно автобус, как правило, набитый до отказа приезжими людьми с объемными кошелками, и, наконец, сама дорога к могиле – местами по сугробам или, опять же, по коварному, припорошенному поземкой льду. Могила, увы, находилась в глубине кладбища, даже скорее ближе к концу его, и немолодая, крупная и неуклюжая в тяжелой старой шубе, Ляля с трудом пробиралась между высокими прутьями

чугунных оград. Охая и ворча, она вновь обнаруживала новые памятники, втиснутые на первые, более престижные ряды вдоль дорожек, непозволительно теснившие друг друга и напиравшие своей помпезностью и дороговизной.

Памятника на могиле родителей было два. Первый, еще поставленный мамой отцу, был из черного габбро с овальным фарфоровым медальоном и довольно большим, по мнению Ляли, текстом – последним материнским признанием мужу в любви. Когда ушла мать, добить фамилию и даты на невысоком камне было уже практически негде, но Ляля вышла из положения просто – возле пышного цветника к подножию отцовского камня была прибита на бронзовых болтах дощечка из белого мрамора. В общем, получалось, что и после жизни мать была у отца «в ногах», что, впрочем, вполне соответствовало ее земному существованию и мировоззрению. Правда, дощечка активно Ляле не нравилась; постоянно точила мысль, что надо бы сделать один общий камень. Она даже подобрала их общую фотографию, так любимую когда-то матерью. Молодые и смеющиеся родители в обнимку, в Кисловодске. Мать – совсем еще худенькая, легкая, светлые кудряшки и цветное крепдешиновое платье. Отец – уже полысевший, но еще крепкий, о-го-го, в белой тенниске, обтягивающей широкую грудь, в полосатых пижамных штанах, с бадминтонной ракеткой в крупной руке. Но, как всегда, денег на памятник не хватало, да и предстоящее общение с кладбищенскими барыгами вызывало брезгливость и ужас – и, мучаясь, Ляля опять откладывала эту проблему до будущей весны.

Был ранний апрель, солнце уже припекало, и даже слегка, самую малость, запахло весной. Но все же это было еще такое нестойкое и обманчивое тепло, и практичная Ляля все еще ходила в старой мерлушковой шубе и тяжелой норковой шапке-чалме, зато сапоги предусмотрительно надела резиновые, предвидя распутицу и грязь на кладбищенских дорожках. Иногда, правда, в более щадящее время года, компанию ей составляла соседка и подружка давних лет Розка-Резеда, но это бывало, только когда окончательно сходил снег и выскакивали узкими острыми стрелками первые крокусы. У Розки-Резеды на том же кладбище лежал муж.

Тогда их поход удлинялся: сначала – Лялины родители, потом – неблизкий путь к Розкиному Гаяру. Ляля всегда просила Розку: «Иди, догоню». Хотелось постоять одной в тишине и поговорить про себя с мамой, а Розка не умолкала ни на минуту. Сейчас Розка лежала дома с бронхитом, и Ляля поехала одна, чему, честно говоря, была несказанно рада. Настроения общаться не было никакого, да и с утра (впрочем, как обычно) было приличное давление.

В автобусе, идущем от метро к кладбищу, слава богу, нашлось место, и Ляля тяжело плюхнулась с краю, подобрав полы длинной шубы. У окна сидела немолодая женщина со скорбным выражением лица в маленькой черной старомодной шляпке из белесого уже бархата. Ехать до места было минут пятнадцать, и через несколько минут женщина в шляпке обратилась к Ляле. За пятнадцать минут пути словоохотливая спутница со скорбно поджатыми губами успела конспективно сообщить о себе почти все – что она девять лет как на пенсии, бездетна, вдовеет уже четырнадцать лет и сегодня святой день – день рождения покойного мужа. Хоть и жизнь она с ним прожила – врагу не пожелаешь, не дай бог, тьфу-тьфу, никому, но все простила и скучает по нему сильно, хотя только вот сейчас, после его смерти, обрела наконец долгожданный покой. Ляля морщилась, но кивала, она не любила случайных знакомств, а уж тем паче не ждала подобных откровений.

Из автобуса вышли вместе. Случайная соседка, мелкая и сухая, легко выпрыгнула первая и услужливо протянула Ляле узкую, мелкую ручку. «Не отстанет», – с тоской подумала Ляля. Шла она тяжело, медленно, осторожно пробуя скользкой подошвой дорогу. Случайная знакомая шустро семенила рядом и бесконечно говорила, говорила. Потом она сочувственно прихватила Лялю за локоть, как бы поддерживая, на что Ляля сухо и резонно заметила, что если рухнет она, то обязательно потянет за собой и ее – услужливую и добровольную помощницу, но та беспечно махнула рукой, продолжая без умолку трещать. Ляля искоса с раздражением глядела на нее, и тут в голову пришло: Пуговица. И вправду, лицо ее – плоское, белесое, с маленькими глазками без ресниц и курносым носом с открытыми крупными ноздрями – было похоже на старую стертую бельевую пуговицу.

Росту она была маленького, легкая и сухая, чему Ляля, набравшая за последние годы килограммов пятнадцать лишнего веса к своему предыдущему, тоже вполне лишнему, искренне позавидовала. Все это непременно и тут же сказалось на здоровье – одышка, больные ноги. Но бороться с полнотой Ляля уже перестала, смолоду поняв неравность этой схватки. А какие радости сейчас на пенсии, господи! Еще отказать себе в таком любимом черном хлебе, пирожном, шоколаде? У телевизора или под книжечку.

Пуговицу она почти не слушала, думая о своем и мечтая только о том, чтобы навязчивая попутчица поскорее свернула на одну из аллей. Но им оказалось по пути, чему Пуговица оказалась несказанно рада. Совсем, видимо, одинокая, подумала с жалостью Ляля, включаясь в ее болтовню. Смешно закатывая

маленькие круглые глазки, Пуговица теперь рассказывала, каким красавцем был ее покойный муж:

– Бабы гроздьями, гроздьями всю жизнь, до самой смерти. А у гроба? Да что творилось у гроба, – причитала она, – налетели как мухи на мед!

– Сравненьице, – усмехнулась Ляля.

– Да, именно как мухи, и у гроба устроили представление, – продолжала со вкусом Пуговица. Было видно, что вспоминать ей нравилось. – И рыдали, и на гроб бросались, и даже две сцепились, почти подрались. Поскорбеть не дали. – Она шмыгнула носом и вытерла глаза платком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/rodnaya-krov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити